

Завтрак: хлеб с маслом и икрой, чай, каша манная.

Обед: суп гречневый, солянка, чай, варенье, каша манная.

Ужин: булочка, чай, солянка мясная.

22 сентября 1943 года – 132 чел.

Завтрак: какао, хлеб с маслом, каша манная.

Обед: суп мясной рисовый, пирожки с капустой, каша манная, чай, варенье.

Ужин: каша пшенная, каша манная.

23 сентября 1943 года

Завтрак: хлеб с маслом и икрой, чай, каша манная.

Обед: щи мясные, котлеты, чай, варенье.

Ужин: каша манная, солянка с мясом, чай.

24 сентября 1943 года – 134 чел.

Завтрак: какао, хлеб с маслом, каша манная.

Обед: молочная лапша, голубцы, каша манная, чай, варенье.

Ужин: булочки, чай, каша манная.

25 сентября 1943 года – 132 чел.

Завтрак: отварной картофель и сельдь, каша манная.

Обед: суп мясной рассольник, пшеничный пудинг, чай, варенье, каша манная.

Ужин: каша манная, каша манная молочная.

26 сентября 1943 года – запись отсутствует.

27 сентября 1943 года 132 чел.

Завтрак: каша пшенная, каша манная.

Обед: щи, блины с маслом, чай, варенье, каша манная.

Ужин: булочки, чай, каша манная.

На данное время не удалось достоверно точно установить, к какому порту – рыбному или морскому торговому – относились рассматриваемые в сообщении детские ясли. Учитывая, что в Петропавловске-Камчатском рыбный и морской торговый порты на две производственные единицы были разделены уже в послевоенный период, а до этого рассматривались как единая структура, наверно, принадлежность детских яслей конкретному предприятию не имеет столь важного значения.

В процессе исследования удалось обнаружить документы первичной парторганизации Петропавловского морского рыбного порта АКО, в котором имеется протокол Общего собрания от 18 сентября 1942 г. с рассмотрением вопроса обеспечения дровами детских яслей (5, л. 4). Таким образом, можно предположить, что интересующие нас детские ясли относились к морскому рыбному порту Акционерного Камчатского общества (АКО).

Не получилось также установить фамилии сотрудников, заботившихся о малышах. В архиве Камчатского края в изученных в процессе исследования документах обоих портов отсутствуют даже упоминания о детских яслях, хотя приводятся данные о различных подсобных и вспомогательных производствах и людях, трудившихся на них (6, л. 1–98); (7, л. 28, 73, 95об, 123); (8, л. 14–17, 61); (9, л. 18, 25–29).

Как следует из воспоминаний Алексея Николаевича Виноградова, руководившего в годы войны строительством Петропавловск-Камчатского морского торгового порта, для обеспечения бытовых нужд работников порта возводились такие объекты, как столовая, общежития, дома барачного типа (1, с. 12), магазин, но ни о детском саде, ни о детских яслях даже не упоминается.

Как вспоминала Нина Васильевна Панина, жена одного из сотрудников Камчатского отделения ТИНРО, с середины 1930-х гг. проживавшая с семьёй в Петропавловске, в предвоенные годы ситуация с детскими яслями в городе была довольно сложная. Когда в апреле 1937 г. у них с Кириллом Ивановичем родилась вторая дочь Галина, супруги решили, что после окончания декретного отпуска жена «займётся воспитанием ребёнка до детсадовского возраста. Няню брать некуда – одна комната» (3, с. 121). В годы войны, несмотря на организацию значительного числа новых детских дошкольных учреждений, мест в них для всех желающих не хватало. И тогда с соседкой Верой Сергеевной Бооль они «распределили обязанности»: когда одна шла на работу, другая оставалась с детьми. И только в 1946 г. «нашлась девушка, которая согласилась помочь нянчить малышку» (3, с. 123).

Как отмечает в одной из своих статей начальник отдела публикаций и использования документов Государственного архива Камчатского края А. С. Сесицкая (4), анализ документов военного времени свидетельствует о следующем. Что касается организации питания в столовых производственных предприятий, то «часто рабочие не получали ни полноценного питания, ни необходимой

одежды. В одном из документов (1944 г.) отмечалось, что «в столовых Судоремзавода (производственная единица АКО. – А. К.)... предприятия общественного питания остались совершенно без овощей и картофеля, а в меню столовых, кроме рыбы, ничего не значится» (4, с. 227).

Анастасия Сергеевна также отмечает: «12 июля 1944 г. на заседании бюро Камчатского обкома ВКП(б) было принято постановление, в котором говорилось: “Несмотря на достаточное количество продуктов, поступающих в столовые, готовится пища крайне низкого качества, меню однообразные”, при этом в приготовлении блюд не применяется дикорастущая зелень (крапива, свёкла, редис и пр.); “основным продуктом в меню камчатцев оставалась рыба”» (4, с. 227).

Получается, что забота государства о подрастающем поколении, о будущем послевоенной страны, была приоритетным вопросом. Она не просто провозглашалась в партийных и административных документах, но и была реальностью того непростого времени. Спустя десятилетия бывшие воспитанники детских яслей, пройдя все предусмотренные государством ступени дошкольного и школьного образования, поступили в училища и вузы, приобрели профессии и на внимание Родины ответили честным, ударным трудом на благо страны. Ими была восстановлена экономика Камчатки, воспитаны дети, которые и по сегодняшний день передают эстафету любви к родному Отечеству своим детям, внукам и правнукам. Лица людей военной поры в старых альбомах – достояние наших семей, гордость Камчатки и память наших сердец.

Возможно, кто-то из тех, кому попадёт в руки данная публикация, окажется из числа воспитанников детских дошкольных учреждений Петропавловска военной поры. Автор с удовольствием встретится с Вами, запишет воспоминания, в том числе – о Вашей трудовой биографии. А если сохранились какие-то впечатления, фотографии и документы по теме настоящего сообщения, музей с радостью сделает их копии или примет семейные реликвии на хранение для последующего использования в своей работе. Только так у музейных экспонатов и докладов могут появиться персонажи и действующие лица.

1. Виноградов А. Н. Краткая записка об истории строительства морского торгового порта в Петропавловске-Камчатском в 1942–1945 годах // Краеведческие записки. 1995. С. 3–22.
2. Высоцкий В. Стихотворения. М.: Искусство, 1987. 256 с.
3. Панина Н. В. Как мы жили на Камчатке // Краеведческие записки. 1991. С. 107–131.
4. Сесицкая А. С. Архивные документы о повседневной жизни камчатцев в годы Великой Отечественной войны // «О Камчатке: её пределах и расстоянии...»: мат. XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 225–228.
5. ГАКК. Ф. П–34. Оп. 1. Д. 3а. Св. 1. Документы первичной парторганизации Петропавловского порта. Протоколы партийных собраний. 04.09.1942–18.09.1942. (на 30 л.).
6. Там же. Ф. Р–140. Оп. 1. Петропавловский морской рыбный порт г. Петропавловска. Управленческая документация. Ед. хр. 61. 1943 год. Производственно-финансовый план на 1943 год по подсобному хозяйству Петропавловского-на-Камчатке порта АКО (на 92 л.).
7. Там же. Ед. хр. 67. Петропавловский морской рыбный порт г. Петропавловска. Управленческая документация. Основные показатели работы порта АКО и переписка о создании единого порта. 1944–1948 г. (на 325 л.).
8. Там же. Ф. Р–298. Оп. 1. Ед. хр. 1. Петропавловск-Камчатский морской торговый порт, г. Петропавловск-Камчатский. Штатные расписания управленческих аппаратов Морского Торгового Порта Народного Комиссара Морского Флота. 1943–1944 (на 63 л.).
9. Там же. Ед. хр. 3. Петропавловск-Камчатский морской торговый порт, г. Петропавловск-Камчатский. Штатные расписания управленческих аппаратов Морского Торгового Порта Народного Комиссара Морского Флота за 1944–1945 год (на 76 л.).

Н. В. Камардина
КУРС ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ
В КАМЧАТСКИХ ШКОЛАХ
в 1930–1940-х гг.

Любое государство заинтересовано в том, чтобы его граждане воспринимали историю своей страны как череду достижений, а не как перечень поражений и просчетов. Современное российское государство, переживая в настоящий момент сложный период очередной самоидентификации и по-

иска ориентиров, обращается к историческому опыту. А это означает рост внимания к школьному предмету «история», в рамках которого формируется историческое сознание общества. Поиск наиболее эффективных методов обучения и воспитания обращает нас к советскому периоду, явившему яркий пример, как за очень короткий период времени школа смогла сформировать историческое сознание, полностью отвечающее идеологическим императивам правящей партии.

15 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О преподавании гражданской истории в СССР». Именно этот документ можно считать точкой отсчёта в развитии исторической науки в СССР, так как он положил начало реформам в школьном и вузовском историческом образовании, изменив само понимание предмета отечественной истории.

Формально партийно-правительственные документы середины 1930-х гг. касались школьного исторического образования и вопросов создания учебников. Однако принятые 14 августа и опубликованные для широкой общественности 26 января 1936 г. «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» и «Замечания о конспекте учебника новой истории», в совокупности с Постановлением от 15 мая 1935 г., фактически содержали в себе основу новой исторической концепции. Документы определили понятие «гражданской истории», под которой понимался весь исторический процесс в его многообразии, предполагавшее твердые знания биографий конкретных исторических лиц и событий в хронологической последовательности (2).

Претворение в жизнь указанных партийно-правительственных документов проходило с огромными трудностями. Колоссальные проблемы с преподаванием истории возникли на периферии, в отдалённых от центра регионах, где в середине 1930-х гг. становление советской школы находилось в начальной стадии. Материалы Государственного архива Камчатской области позволяют проследить, каким образом шёл процесс внедрения предмета «история» в школьный курс камчатских школ.

В 1934/1935 учебном году в Камчатской области насчитывалось 147 школ, из которых 47 национальных; всего обучалось 5 760 учеников. Уже в 1935/1936 учебном году количество школ выросло до 163 с общим количеством учеников 7 362, а в 1936/1937 учебном году составило 167, где обучалось 8 415 человек (3, д. 123, л. 77).

В 1936/1937 учебном году школы были представлены начальными – 150, неполными средними – 15, средними – 2. По языку обучения школы были такими (3, д. 123, л. 77):

Таблица 1

Язык обучения	Кол-во школ	Кол-во учащихся
чукотский	39	846
корякский	24	662
ламутский	6	161
эскимосский	6	185
русский	92	6 561
Итого:	167	8 415

Как мы можем видеть, численность учащихся была относительно невелика, следует учесть значительную отдалённость и разбросанность сельских школ. Главной проблемой для системы образования Камчатки являлся недостаток кадров и их «завозной характер» (4, д. 25, л. 122). В отчёте, представленном начальником отдела школ и культпросветработы тов. Никитиным в Камчатский обком ВКП(б) в 1936 г., отмечалось: «Огромная территориальная разобщённость, слабая населённость области и наличие ещё значительного количества населения, ведущего кочевой образ жизни, определило характер школьной сети: большинство школ, как правило, карликового типа (до 20 человек учащихся). Причём даже при таком незначительном по своему количеству составе учащихся, подавляющее большинство школ, особенно по Чукотскому и Корякскому национальному округам, вынуждено содержать учащихся в интернатах» (3, д. 123, л. 78).

Задача всеобщего обучения не была решена, особенно в национальных округах. Перечисляя причины такого положения дел, наибольшую проблему руководство области видело в недостатке учительских кадров, что в отдельных случаях приводило к закрытию уже существующих школ. Два педагогических техникума – Тигильский и Петропавловский – оказались не в состоянии обеспечить

нужды отдалённой территории в квалифицированных учителях. К тому же, ежегодная текучесть кадров была вызвана «крайне тяжёлыми условиями работы учительства» (3, д. 123, л. 80), что выразилось в оторванности от центра, неудовлетворённости бытовыми и жилищными условиями. В результате областной отдел народного образования был вынужден привлекать к учебной работе лиц, не имеющих не только специального педагогического, но и даже достаточного общего образования. Так, в 1935/1936 учебном году в школах Камчатской области насчитывалось 398 учителей, из которых высшее образование имели 67 человек, среднее – 192, остальные 139 были «допущены к педагогической работе», что составляло 35 % от общего числа педагогов (Там же). В отчётах отмечалось, что значительное число учителей приехало на Камчатку не с целью работать по-коммунистически, а в погоне за «золотым руном» (4, д. 25, л. 123).

Описанные условия работы камчатских школ дают представление о том, насколько сложным было выполнение партийных и государственных установок, направленных на формирование у учащихся сознательного восприятия истории в духе марксизма-ленинизма. Однако практически сразу после выхода указанных постановлений партийные органы начинают проверки преподавания гражданской истории в школах области.

Уже 3 марта 1935 г. на заседании Камчатского обкома ВКП(б) рассматривался вопрос о преподавании истории в ряде школ области. В решении по данному вопросу отмечалось, что качество учебной работы по истории неудовлетворительно. Были названы причины сложившейся ситуации. В первую очередь, это неподготовленность преподавательских кадров: из 11 преподавателей истории в неполных средних и средних школах только 3 имели специальное образование. Во-вторых, это отсутствие регулярной методической работы, как в областном, так и в районных отделах образования. В-третьих, это недостаточное количество учебников и учебных пособий, а также их неудовлетворительное качество. (О проблеме утверждения стабильных учебников по истории см. подробнее: Колосков.) Анализ работы школ показал, что успеваемость по истории в школах области составляет 85 %, а «в преподавании... не изжита схематичность», учащиеся обнаруживают «недостаточное знание исторических фактов, дат, эпохи и отдельных общественных деятелей» (3, д. 54, л. 77–78). Определяя пути решения проблем, связанных с преподаванием гражданской истории в школах области, Камчатский обком ВКП(б) предложил отделам народного образования «обеспечить завоз преподавателей-специалистов в количестве девяти человек», одновременно поставив вопрос о повышении квалификации на материке уже работающих преподавателей. Также говорилось о необходимости обеспечить школы стабильными учебниками и учебными пособиями (там же).

На 1935/1936 учебный год была определена следующая сетка часов преподавания истории по городским и сельским школам (Там же):

3 класс	4 класс	5 класс	6 класс	7 класс	8 класс	9 класс	10 класс
1 ч.	2 ч.	2 ч.	2 ч.	2 ч.	4 ч.	4 ч.	4 ч.

Материалы архива свидетельствуют, что решить поставленные задачи в полном объёме не удалось. В 1937 г. с инспекционными проверками в районы Камчатской области отправился заведующий школьной группой областного отдела народного образования Н. А. Садовой. В его отчёте отмечалось, что, например, в Кичигинской неполной средней школе «история ведётся по существу не полностью. Учебников нет. Учитель пользуется учебником Никольского, даёт под диктовку записи, которые служат основным материалом. Программный материал не пройден». В Соболевской школе «история ограничена только древней историей в объёме учебника Никольского. На всю школу имеется только 2 экземпляра. Это вынудило учителя перейти к бригадному методу работы, детальному конспектированию в тетрадях. Схематичность учебника сказалась и на схематичности знаний учащихся. Отсутствие учебника по средним векам, отсутствие какой бы то ни было литературы не позволяют проходить историю в полном объёме». В Большерецкой неполной средней школе «постановка истории так же встречает огромные трудности». В распоряжении учителя есть несколько экземпляров учебников по древней и средней истории. «Учитель пользуется по некоторым темам разработками в журналах “Борьба классов” и “История в средней школе”. Урок истории построен следующим образом: “учитель даёт план проработанной темы, записывает её под диктовку, после этого даётся рассказ отдельной части плана, а после рассказа даётся запись конспекта. Это требует огромного времени, почти вдвое увеличиваются затраты по времени, а отсюда – программный материал пройден не будет. Другого выхода нет, т. к. самостоятельная запись

рассказа приводит к нечётким формулировкам и чревата искажениями фактов» (3, д. 120, л. 21–68).

В отчёте Н. А. Садовой подчёркивает, что ситуация с преподаванием истории сложилась недопустимая, повсеместно не выполняются решения ЦК ВКП(б). Мало того, что нет учебников по гражданской истории, нет программы, но учителя не знают даже перечня тем по предмету. Для решения проблем, по его мнению, необходимо немедленно «проработать в коллективах решения ЦК ВКП(б) об учебниках истории, замечания по поводу конспекта по новой истории, о преподавании гражданской истории в школах» (Там же, л. 38). А поскольку учебников для работы нет, то по окончании повторения курса древней истории до получения следующих учебников историю снять, а часы передать на усиление других предметов (Там же, л. 54).

Если в 1934–1937 гг. главным вопросом было обеспечение наличия в школьной программе камчатских школ учебной дисциплины «история», то в последующие годы на первый план выходят вопросы правильного, марксистского преподнесения исторических фактов и их интерпретации.

Сохранившиеся протоколы педагогических советов школ области дают представление о повседневной работе учителей в этот период. Так, в протоколе № 1 педагогического совещания средней школы им. М. Горького г. Петропавловска-Камчатского от 30 августа 1937 г. отмечалось, что «новый учебный год должен явиться годом дальнейшего подъёма школы и, прежде всего, должен поставить задачу овладения большевизмом в педагогической работе» (5, д. 1, л. 1).

В протоколе № 2 от 10 сентября 1937 г. отмечено, что в школе имеет место «протаскивание фашистских теорий и отстаивание ложных и враждебных взглядов» преподавателем Г. Г. Жаровым, который на их основе объясняет народное творчество в 8 классе. В связи с этим от учителей требуются «постоянная настороженность и бдительность, проверка своих знаний на основе всемерного повышения своего идеологического и политического уровня» (Там же, л. 5).

Особые проблемы возникли в национальных районах, где учительский персонал не соответствовал элементарным требованиям. На работу направлялись «совершенно молодые люди, неопытные, прямо со школьной скамьи, не приспособленные к работе в тяжёлых северных условиях» (3, д. 25, л. 248). Партийные органы Чукотского округа обратились с просьбой в Хабаровский краевой комитет партии с просьбой «запретить всем краевым организациям посылать для работы на север непроверенных людей и обеспечить высокое качество командируемых» (Там же).

Преподавание истории оказалось вообще невозможным из-за незнания учителями местных языков. Рассматривая пути решения этой проблемы, Камчатский обком ВКП(б) в мае 1936 г. отмечал, что «коренной и единственной мерой в этом направлении... должна быть организация подготовки учительства из местного населения». А для этого «не позднее 1938 г. приступить к строительству и организации педагогического института в г. Петропавловске-Камчатском» (Камчатский педагогический институт был открыт только в октябре 1958 г.) (Там же, д. 123, л. 81).

30-е гг. XX в. стали последним рубежом, после которого историческое образование в школе приобрело черты идеологической доктрины, а преподаватели истории были провозглашены «бойцами идеологического фронта». Образовательная система, как один из ведущих институтов общества, в полной мере подверглась перестройке в соответствии с потребностями государства, став важнейшим инструментом внедрения коммунистической идеологии в сознание граждан. Но для системы образования в отдалённых регионах СССР на первый план выходили не столько проблемы идеологического соответствия школьных программ, сколько проблемы элементарного обеспечения школ всем необходимым, ликвидация неграмотности и малограмотности среди населения, поиск квалифицированных кадров, способных работать в тяжелейших условиях отдалённости. Но даже в таких обстоятельствах контроль, осуществлявшийся со стороны партийных органов, определял рамки работы учителя. Появление стабильных учебников по истории упростило проверку соответствия преподаваемого материала господствовавшим идеологическим доктринам. А выпущенный в 1938 г. учебник для системы политпросвещения «История ВКП(б). Краткий курс» и ставший основой для исторического знания в нашей стране, служил ориентиром для учителей-историков.

В камчатских школах процесс становления истории как учебной дисциплины затянулся до конца 1940-х гг. Проверки уроков истории в 1949 г. в средней школе № 1 г. Петропавловска-Камчатского показали слабые знания по предмету. Учащиеся не могли объяснить роль варягов в становлении государства на Руси, не знали, кто такая княгиня Ольга; рассказывая о периоде гражданской войны, использовали выражения: «Ленин запрещал торговать, Ленин отбирал лавки и магазины»; ничего не могли рассказать о японской интервенции на Дальнем Востоке. Зато на уроке по теме «Советский Союз в годы индустриализации» учитель подробно рассказывал о борьбе с троцкистами и зиновьевцами, а в качестве образца по перевоспитанию осуждённых приводил пример строитель-

ства Беломорско-Балтийского канала, постоянно цитируя высказывания Ленина и Сталина (5, д. 11, лл. 21, 41).

Таким образом, мы вправе говорить, что образовательная реформа 1934 г. оказалась весьма действенной в плане создания единообразия процесса обучения и формирования дисциплины исторического мышления учителей и учеников. Благодаря установившемуся идеологическому режиму «наиболее элементарное историческое образование стало моделью общего знания о всемирно-историческом процессе» (1).

Предпринимаемые современным российским государством усилия по созданию образовательных стандартов должны избежать ошибок, уже имевших место в истории нашей системы образования. Историческое мышление не совместимо с диктатом только одного методологического подхода или подбором исторических фактов в соответствии с избранной государством линией. Формирование исторического знания – это, в первую очередь, воспитание сознательного обращения к прошлому, со всеми его минусами и плюсами, негативным и позитивным содержанием. Качество и полнота исторической памяти, значительная доля которой формируется именно на основании школьной программы, в значительной степени характеризует степень здоровья самого общества.

1. *Гордон А. В.* Восстановление исторического образования (1934–2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/420640> (дата обращения 15.03.2015).

2. *Гришаев О. В.* Историческая наука и образование в СССР в середине – второй половине 1930-х годов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/NNM_2006/Istoria/17333.doc.htm (обращения 15.03.2015)

3. ГАКО. Ф. 2. Оп. 2.

4. Там же. Ф. 138. Оп. 1.

5. Там же. Ф. 260. Оп. 1.

И. В. Кисличенко ЖЕНЩИНЫ КАМЧАТКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Почти 70 лет прошло со дня Победы 9 мая 1945 г., но прошедшие десятилетия не заставят преуменьшить значение подвига тех, кто бился с врагом на фронтах, кто участвовал в партизанской борьбе и жертвовал своей жизнью, ведя подпольную работу, кто приближал Победу в тылу, не жалея своего здоровья и сил.

Писательница Светлана Алексиевич, очень много писавшая о Великой Отечественной войне, назвала одну из своих книг «У войны не женское лицо». Думаю, что с этим утверждением можно поспорить, если обратиться к архивным и историческим документам. У войны, не миновавшей ни одного уголка нашей родины, зачастую было именно женское лицо.

Уже в самом начале Великой Отечественной, а именно 30 июня 1941 г., Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление о мобилизации женщин в войска ПВО, связи, ВОХР. Центральный комитет комсомола провёл специальные мобилизации девушек в Красную армию, а в 1942 г. и во флот. Как пишет историк Р. Гольдберг, по мобилизации комсомола 550 тыс. девушек надели военную форму, 70 процентов из них служили в действующей армии. Среди комсомольцев-красноармейцев женщины составляли 14 %, среди санинструкторов – 40 %, среди фронтовых врачей – 41, среди медсестёр – 100 %. 222 тыс. женщин получили в годы войны специальности миномётчиц и пулемётчиц, лётчиц, танкисток, снайперов и кавалеристов. Были среди женщин и командир сабельного эскадрона, и диверсантки, и морские пехотинки. С 1941 по 1945 г. только городским военкоматом Петропавловска-Камчатского призваны 534 женщины (9). Не меньше – другими военкоматами Камчатки.

Более 50 процентов мобилизованных женщин погибло на фронтах Великой Отечественной и числятся пропавшими без вести. Среди них – наши землячки:

– Федотова Надежда Михайловна, сержант, призвана Усть-Большерецким РВК, пропала без вести в марте 1943 г.;

– Дулькина Ольга Николаевна, красноармеец, призвана Петропавловск-Камчатским ГВК, погибла 6.08.1944 г.;

– Егорова Анна Сергеевна, сержант, призвана Усть-Большерецким РВК, погибла в марте 1945 г. (10).